

А. И. СОЛОГУБ

ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ЯЗЫКОВЫХ ЯВЛЕНИЙ

Одной из основных задач исторической диалектологии является изучение диалектных явлений, относящихся к разным уровням языковых систем, в их историческом развитии. Подобное изучение создает научную основу для истории языка в целом, а также для исследования вопросов, связанных с историей отдельных диалектных объединений. Историческое изучение явлений, относящихся к различным уровням системы русского языка, может успешно проводиться лишь на основе органического сочетания показаний памятников письменности и данных диалектов русского языка. Синтез этих двух источников составляет базу многих исследований, посвященных различным явлениям истории русского языка.

Однако уровень разработки этих источников оставался до начала систематического изучения диалектов весьма неодинаковым. Сведения о диалектных явлениях носили эпизодический характер и представляли собой, как правило, лишь фиксацию той или иной языковой черты, произведенную при общем обследовании того или иного говора. Нерегулярность подобных сообщений была связана с тем, что обследование говоров велось произвольно, по усмотрению того или иного автора, при отсутствии единой программы и единого плана (сетки) обследования говоров. С течением времени исследователями все острее начинает ощущаться потребность в таком диалектном материале, который дал бы возможность представить распространение того или иного языкового явления во всех его структурных разновидностях на основной (с исторической точки зрения) территории распространения русского языка. Необходимость такого материала особенно ощутительна при разработке вопросов исторической диалектологии, поскольку одной из актуальных ее задач является создание такой истории диалектов, которая опирается бы на историю всего комплекса языковых черт, характерных для того или иного диалектного объединения. В 40-х годах, когда начиналась работа по подготовке диалектологических атласов русского языка, лингвистами-русистами уже подчеркивалось, что атласы, помимо выполнения задачи собственно диалектологического изучения языка, дадут ценные материалы для разработки истории русского языка.

Лингвогеографическому изучению говоров русского языка предшествовало и сопутствовало создание целого ряда монографий, посвященных описанию систем отдельных говоров как в чисто синхронном, так и в историческом плане. Потребность в лингвогеографических данных опережала процесс составления атласов русского языка. В работах целого ряда историков и диалектологов русского языка, начиная с А. А. Шахматова¹, а в дальнейшем особенно развернуто в работах С. П. Обнорского², видно

¹ А. А. Шахматов, История русского языка, Пг., 1915 (литограф.).

² С. П. Обнорский, Именное склонение в современном русском языке, I, II, Л., 1927—1931; его же, Очерки по морфологии русского глагола, М., 1953, и др.

определенное стремление исследователей учитывать, хотя бы по имеющимся неполным данным, территориальное распространение явлений и строить свои выводы на основе изучения этого распространения. Интересно и плодотворно рассматривается история ряда явлений (в частности, вопрос о происхождении аканья) в работах Р. И. Аванесова, использовавшего имевшиеся к тому времени данные о географическом распространении изучаемых им явлений³. Можно считать, что именно в работах Р. И. Аванесова были заложены основы методики интерпретации лингвогеографических данных для изучения истории языковых явлений. Изучение структурных разновидностей диалектных языковых черт и их распространение на территории русского языка представлено и в работах В. Г. Орловой⁴, целью которых являлось также создание истории изучаемых явлений. В последующие годы создается целый ряд исследований подобного характера, имеющих источником данные лингвистической географии и посвященных вопросам генезиса отдельных языковых черт⁵. Только после того как были составлены основные диалектологические атласы русского языка, оказалось возможным представить характер распространения важнейших языковых явлений, наблюдаемых на территории русских говоров, и приступить к изучению истории этих явлений.

Создание принципиально нового по своему качеству фонда лингвогеографических данных изменило соотношение показаний памятников письменности и диалектов при разработке истории русского языка. На более раннем этапе диалектные данные преимущественно лишь помогали расшифровывать показания памятников письменности и дополнительно иллюстрировали их. В настоящее время появились качественно новые возможности органического соединения показаний памятников и диалектов, причем в ряде случаев — при ведущем значении диалектного источника. Методика исследования диалектных сведений создавалась при подготовке названных выше работ, а также в ходе работы над монографией «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров» (М., 1970). Поскольку в настоящее время приемы и методы использования диалектных

³ Особенно показательна работа: Р. И. Аванесов, Вопросы образования русского языка в его говорах, «Вестник МГУ», 1947, 9.

⁴ См., например: В. Г. Орлова, Губные спиранты в русском языке, «Труды Ин-та русского языка [АН СССР]», II, М. — Л., 1950, стр. 167—210; е е ж е, История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров, М., 1959.

⁵ См., например: Е. С. Скобликова, Географическое распространение диалектных форм личных местоимений, «Уч. зап. [Куйбышевск. пед. ин-та]», 13, 1955; Л. К. Андреева, К истории новых сочетаний согласных с *j* в восточнославянских языках, в кн.: «Вопросы фонетики, словообразования, лексики русского языка и методики его преподавания», Пермь, 1964; е е ж е, Явление ассимиляции в новых сочетаниях согласных с *j* в говорах северновеликорусского наречия, «Уч. зап. [Пермск. гос. ун-та]», 16, I, 1960; Л. Л. Касаткин, Прогрессивное ассимилятивное смягчение «к» в русских народных говорах, «Материалы и исследования по русской диалектологии», Новая серия, III, М., 1962; Т. С. Коготкова, Утрата интервокального *j* и стяжение гласных в русских говорах, АКД, Л., 1953; е е ж е, Стяжение гласных в русских говорах в его отношении к различным морфологическим категориям, «Материалы и исследования по русской диалектологии», Новая серия, II, М., 1961; Е. Г. Бурова, Диалектные изменения и замены *к* при сочетании его с последующими звывными гласными (в предложно-надежных конструкциях), в кн.: «Очерки по фонетике севернорусских говоров», М., 1967; В. Н. Теплова, Звуки /л/, /л/, /й/ на месте этимологического *к* твердого и их место в фонологических системах севернорусских говоров, там же; Г. И. Матвеева, Числительные два, три, четыре в русских говорах, «Материалы и исследования по русской диалектологии», Новая серия, I, М., 1959; Н. Н. Пшеничнова, К истории редуцированных *ѣ* и *ї* в восточнославянских языках, АКД, М., 1964; е е ж е, Гласные на месте редуцированного *ї* в говорах восточнославянских языков, в кн.: «Вопросы диалектологии восточнославянских языков», М., 1964, и др.

данных становятся все более многообразными, здесь целесообразно рассмотреть некоторые специфические особенности такого использования.

Особое значение лингвогеографических сведений для указанных целей определяется особенностями диалектологических атласов русского языка. Эти особенности были обусловлены теми исходными установками, которые характеризуют русскую лингвогеографию, требующую системного подхода к картографированию диалектных явлений. В предисловии к вышедшему в свет диалектологическому атласу в свое время было указано, что в нем «наряду с единичными фактами, выходящими за пределы системы языка или не соотносимыми с нею, картографируются языковые явления как цельные звенья, элементы языковой системы. Этим снимается противоречие между лингвистической географией и изучением языка как системы»⁶. Данные составленных к настоящему времени атласов русских говоров, взятые в совокупности, как правило, дают исчерпывающее представление о распространении каждого из языковых явлений во всех его структурных разновидностях на различных территориях русского языка, что открывает возможность систематического сопоставления этих разновидностей. Особенно важно значение данных лингвистической географии, когда явление вообще не зафиксировано в памятниках письменности.

В связи с тем, что в настоящее время мы располагаем диалектологическими данными нового качества, возникла необходимость дальнейшей разработки методики и приемов интерпретации этих данных, а также возможность по-новому синтезировать показания памятников письменности и диалектов.

При изучении диалектных явлений всегда оказывается важным представление об общем характере распространения того или иного явления в плане собственно географическом, т. е. о расположении ареалов на территории русского языка, а также о характере бытования явления в пределах этих ареалов.

В географическом плане языковые черты могут иметь определенную территорию распространения, за пределами которой их почти не отмечают. Известно, например, что в пределах территории южного наречия русского языка представлены различные ареалы типов аканья, на территории Вологодской группы говоров имеют распространение формы инфинитива типа *л'ект'и*, достаточно определенную территорию распространения, включающую в основном говоры Вологодской группы и северные межзональные говоры, имеют формы сравнительной степени типа *добр'а́йе*, *скор'а́йе* и т. д. Подобные явления сугубо местного характера распространения составляют и уже составили необходимую основу для описания современного диалектного членения русского языка, для изучения истории различных диалектных объединений русского языка.

В плане исторического изучения подобных черт узко локального распространения важно учитывать, что именно их исследование позволяет устанавливать связь языковых явлений с историей территории, на которой они представлены, а также их соотношение с другими языковыми чертами, представленными на той же территории.

При широком или почти повсеместном распространении явления на изучаемой территории русского языка важным оказывается наличие или отсутствие его структурных разновидностей, дающих очень ценный материал для изучения истории явления. Явления, однородные по своему характеру и имеющие широкое распространение на территории русского языка, интересны для изучения вопросов, касающихся общих закономер-

⁶ «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. Карты. Вступительные статьи и комментарии», М., 1957, стр. 14.

ностей развития языка и его диалектов или для изучения относительной хронологии этих явлений.

Как показало изучение материала, сравнительно широкое распространение по говорам имеют черты, ставшие архаическими в общем ходе развития русского языка, или, наоборот, черты, поздние по своему происхождению, в том числе развившиеся в говорах вследствие влияния литературного языка или при его поддержке.

В случаях сохранения реликтов какой-либо древней черты или сравнительно ранней инновации можно наблюдать качественное различие в самом распространении подобных черт: в одних случаях явление выступает в рассеянном распространении на изучаемой территории (ср. распространение случаев с гласным *e*, не перешедшим в *o* под ударением перед твердым согласным в корнях слов и суффиксах — *св'экла*, *кот'энок* и т. п. или произношение звонких согласных на конце слова — *хл'еб*, *гброд* и т. п.), в других случаях явление может быть представлено отдельными, более или менее значительными, ареалами (ср. распространение слов с *р'* мягким — *вер'х*, *ч'ет' в'эр'к*, *ц'эр'коф' / ц'эр'ква* и др.). Слабый характер распространения черт первого типа, видимо, связан с более ранней их утратой, что в свою очередь, возможно, было обусловлено интенсивностью новообразований, приводивших к утрате этих черт и развивавшихся в московском говоре, ставшем впоследствии основой литературного языка. Архаические черты, сравнительно дольше сохранившиеся в литературном языке, возможно, благодаря этому имеют до сих пор и в говорах значительные, но не приуроченные к определенным диалектным объединениям ареалы их распространения.

Широкое распространение имеют и сравнительно поздние инновации, появившиеся благодаря наличию общих тенденций развития, характерных для русского языка в целом (ср., например, появление сочетания *-шн-* в соответствии с сочетанием *-чи-*: *кан'ешнъ*, *жайшн'ица* и т. п. или взятую в общем виде унификацию глагольных основ в личных формах и др.).

Показательным для изучения истории языковых явлений может быть также степень интенсивности распространения той или иной разновидности явления на различных территориях русского языка.

Наличие в пределах данного диалектного объединения какой-либо разновидности явления в исключительном или почти исключительном употреблении может свидетельствовать о том, что данная территория говоров является исконной территорией этой разновидности явления (ср., например, неразличение гласных на территории южнорусских говоров и др.). В случаях же сосуществования различных структурных разновидностей явления можно предполагать, что одна из разновидностей является исконной для изучаемых говоров, а другая более поздней по происхождению, появившейся, в частности, в этих говорах в результате междиалектного взаимодействия (ср., например, сосуществование форм типа *н'ес'т'й* и *н'ес'т'* в целом ряде говоров русского языка, сосуществование форм 3-го лица глаголов с конечным *т* и *т'* и др.). Сосуществование разных структурных разновидностей явления может иметь равноправный характер, как в приведенных выше примерах, или различаться по интенсивности употребления этих разновидностей. В последнем случае наблюдается резко преобладающее употребление одной из разновидностей и сравнительно редкое или определенным образом обусловленное употребление другой. Так, например, во многих говорах русского языка известны единичные случаи произношения *e*, не изменившегося в *o*, в корнях слов под ударением перед твердым согласным, круг которых не является, однако, определенным по говорам, что может свидетельствовать о сохранении в этих говорах реликтов древнего явления. При преобладающем произношении в

вологодских говорах *е* или *о* в первом предударном слоге перед твердым согласным (*н'есла́, н'осла́* и т. п.) можно наблюдать в единичных рассеянных случаях произношение *и* (*н'исла́* и под.), что, по-видимому, является свидетельством вновь развивающейся тенденции в данных говорах; в более ранних записях этих говоров подобное произношение не наблюдалось. При системе различения гласных в первом предударном слоге после твердых согласных в говорах северного наречия можно наблюдать незакономерное произношение *а* в одном кругу слов (*стака́н, парбо́м, крапи́ва* и т. д.) и *о* — в другом кругу слов (*ко́нѡва, ко́пѡста, трѡва́* и др.), которое обычно не трактуют как нарушение системы различения гласных, а рассматривают как явление, свидетельствующее о забвении внутренней формы данных слов.

Таким образом, различные типы существования структурных разновидностей явления в говорах могут получить различную оценку с генетической точки зрения. Исключительное бытование той или иной языковой черты в говоре чаще отмечается именно на ее исконной территории. Случаи сосуществования разновидностей явления могут быть следствием различных причин: взаимодействия говоров (ср. распространение форм *н'ес'т'* и *н'ес'т'ѣ* и др.), внутренних процессов развития, характерных для определенных говоров (ср. произношение *и* в 1-м предударном слоге перед твердым согласным в вологодских говорах, незакономерное произношение *о* и *а* в отдельных словах на территории северных говоров, случаи произношения *у* фрикативного в отдельных словах и грамматических категориях на территории северного наречия русского языка и др.), а также влияния литературного языка на говоры (ср. распространение форм род.-вин. падежей *м'ен'ѣ, т'еб'ѣ, с'еб'ѣ*, форм 3-го лица глаголов с твердым *т* в окончании и др.).

Наиболее важный и богатый материал может дать изучение структурных разновидностей языковых явлений с учетом характера их распространения на территории русских говоров. Подобное изучение в некоторых случаях дает возможность выявить первоначальную или более исконную структурную разновидность явления и проследить основные этапы его эволюции.

Исследование диалектных данных показывает, что наиболее характерным для архаического состояния явления можно считать его реализацию на основе определенной закономерности, полностью относящейся к данному уровню языка (фонетике, морфологии и т. д.). Именно такой характер имеют обычно основные, исторически первоначальные, структурные разновидности явлений, которые, как правило, имеют и наиболее последовательный характер распространения на своей исконной территории. По мере своего распространения в инодиалектной среде явление может утрачивать эти основные свойства, приобретать рассеянное или во всяком случае менее последовательное распространение и, главное, утрачивать первоначальную закономерность реализации. В последнем случае трансформация явления может проходить в разных направлениях. В говорах можно наблюдать закрепление его за отдельными позициями или грамматическими категориями, а также сужение лексической сферы реализации явления, с чем связана его лексикализация. В процессе трансформации явления может, наоборот, расширяться сфера его реализации, наблюдаться употребление в тех случаях и положениях, где оно не могло быть в соответствии с той закономерностью, на основе которой оно возникло. В качестве примеров различной эволюции явлений можно привести следующие.

Данные лингвистической географии показывают, что в вологодских говорах широко и последовательно представлено явление изменения *а* в *е*

между мягкими согласными под ударением (*пр'ал*, но *пр'эл'и*, *п'ятый*, но *п'ет'*, *крич'ал*, но *кр'ич'эт'* и т. д.). В соответствии с этим чередованием гласных под ударением строится система предударного вокализма вологодских говоров (*п'атэк*, но *п'ет'и*, *пр'алб*, но *пр'ед'и* и т. д.).

В смежных с вологодскими костромскими говорах представлена такая система вокализма, при которой также возможно произношение *е* в соответствии с *а* после мягких согласных в первом предударном слоге, но в которой потерян главный собственно фонетический признак — соответствие систем ударенного и предударного вокализма. В костромских говорах чередование *а/е* в позиции под ударением отсутствует (*гр'ас'*, *з'ам'* и т. п.). В предударном слоге произношение *е* в соответствии с *а* не ограничено какими-либо определенными условиями, оно здесь наблюдается и перед мягким, и перед твердым согласным (*пр'ед'и*, *п'етэк*, *п'ет'и* и т. п.).

Для выводов о характере развития изучаемого явления в данном случае следует признать более сложным процесс реализации изменения *а* в *е*, когда он осуществляется в соответствии с определенными условиями, и менее сложным, если условия его реализации являются неограниченными.

Таким образом, на основании изложенного можно предположить, что первоначальная и наиболее исконная структурная разновидность явления изменения *а* в *е* представлена на территории вологодских говоров. По мере распространения на другие территории данное явление испытывает различные изменения. Так, на территории костромских говоров представлено расширение сферы реализации данного явления, нарушающее систему соотношения ударенного и предударного слогов. Случаи произношения *е* в соответствии с *а* в отдельных единичных, но не повторяющихся из говора в говор словах, отмечаемых в рассеянном распространении по широкой территории русского языка, могут, видимо, свидетельствовать о лексикализации данного явления в современных говорах, развившейся на основе имевшей место в прошлом, но рано заторможенной тенденции к усиленному продвижению *а* между мягкими согласными в более переднее и верхнее положение. Наконец, в целом ряде говоров, не относящихся к территории Вологодской группы, произношение *е* вместо *а* представлено в собственно лексикализованном виде — лишь в слове *омять*.

Структурные разновидности языковых явлений, наблюдаемые в говорах русского языка, нередко могут представлять собой как бы разные стадии эволюции, пережитой тем или иным явлением, благодаря чему всестороннее сравнительное изучение этих разновидностей нередко дает возможность восстановить самый процесс образования и распространения той или иной языковой инновации. Известно, например, что во многих говорах русского языка широко представлены формы инфинитива типа *п'ес'т'*, *в'ес'т'*. Сохранение форм типа *п'ес'т'и* в исключительном употреблении характерно для говоров северо-восточной диалектной зоны. В говорах же, расположенных на границе распространения форм типа *п'ес'т'*, с одной стороны, и типа *п'ес'т'и*, с другой, наблюдаются формы, имеющие ударение на основе, но еще не утратившие конечного *и*: *п'ес'т'и*, *в'ес'т'и* и под. Наличие подобных форм позволяет восстановить процесс образования новых форм, который, по-видимому, можно представить следующим образом: *п'ес'т'и* → *п'ес'т'и* → *п'ес'т'*. Лингвогеография дает возможность представить и направление процесса распространения форм типа *п'ес'т'*: в говорах можно наблюдать две противопоставленные территории исключительного распространения форм типа *п'ес'т'и* и форм типа *п'ес'т'*, а между ними полосу говоров, характеризующихся их сосуществованием.

Для говоров Ладого-Тихвинской группы характерно произношение *и* в соответствии с *е* в положении под ударением и в безударных слогах перед твердыми и мягкими согласными. Однако изучение характера расположе-

ния ареалов произношения *и* под ударением и в безударном положении в соответствии с *ѣ* дает возможность предположить, что утрата этой архаической черты и замена ее произношением *е* под влиянием более южных говоров началась, видимо, с положения ударенного слога, в то время как произношение *и* в безударном положении удерживается в данных говорах до сих пор.

В говорах северо-восточной диалектной зоны длительное время сохранялись древние формы инфинитива типа *п'еч'ѣ*, *б'ер'еч'ѣ*. В настоящее время подобные формы можно наблюдать только на периферии этой территории. В центре ее, на территории Вологодской группы говоров, развились формы типа *п'екч'ѣ*, *б'ер'екч'ѣ* при наличии обобщения основы в личных формах глаголов данного типа, последовательно представленного в вологодских говорах (*п'екѣ* — *п'ек'ѣш* — *п'ек'ѣт* и т. д.). Распространение новых форм типа *п'екч'ѣ*, *б'ер'екч'ѣ*, связанное, видимо, с указанным обобщением основы в формах настоящего времени, шло, как это показывает лингвистическая карта, от центра к периферии и как бы размыло старую территорию форм типа *п'еч'ѣ*. Аналогичную картину можно наблюдать на территории вологодских говоров при исследовании судьбы смычно-проходных боковых сонорных согласных. Более новое с исторической точки зрения явление чередования *л* — *ѣ* в этих говорах также, получало распространение из среды глубинных говоров и как бы угасало по направлению к их периферии, где еще можно наблюдать до сих пор исконное чередование *л* — *ѣ*⁷.

В некоторых случаях изучение структурных разновидностей диалектных явлений может дать основание для предположения о том, что определенный круг местных языковых особенностей, противопоставляющих друг другу отдельные диалектные объединения, мог сложиться на основе внутренне единой закономерности. Так, можно думать, что под влиянием литературного языка и говоров северного наречия в говорах южного наречия появилась тенденция к совпадению основ в формах род.-вин. и дат.-предл. падежей местоимения 2-го лица и возвратного. Однако на разных территориях южного наречия действие этой тенденции протекает по-разному: в одних говорах уже представлена общая основа *теб-*, *себ-* в этих формах, в других, более глубинных говорах можно наблюдать эту тенденцию лишь в общем виде, а самое обобщение происходит на основе форм дат.-предл. падежей, в связи с чем общей основой в формах род.-вин. и дат.-предл. падежей становится *тоб-*, *соб-*, а не *теб-*, *себ-*.

При изучении истории языковых явлений по диалектным данным важное значение имеет учет различных связей и соотношений изучаемого явления с другими явлениями. Исследование языковых черт в соотношении с другими, особенно генетически с ними связанными, может представить ценные сведения, необходимые для исторического изучения лингвистического материала, т. е. для воссоздания процесса образования и развития той или иной языковой инновации. Например, изучение твердости — мягкости согласного возвратной частицы в положении после согласных в соотношении с характером распространения и качества этих согласных по говорам русского языка дало возможность предположить, что утверждение *с* в форме возвратной частицы первоначально было связано с позицией после твердого согласного, а по мере распространения этот процесс, как нередко бывает в таких случаях, получил в некоторых говорах расширенную сферу его реализации, т. е. твердый *с* стал произноситься в любом положении, в том числе и после гласного.

⁷ См.: В. Н. Теплова, Материалы к изучению исторических связей между западными и северными говорами русского языка, ВЯ, 1973, 4.

В некоторых случаях изучение соотношения различных явлений друг с другом может дать материал для относительной хронологии языковой инновации. Так, например, распространенные в вологодских говорах формы сравнительной степени типа *добр'а́йе*, *скор'а́йе* появились, видимо, после того, как закончилось действие в этих говорах процесса изменения *а* в *е* под ударением между мягкими согласными. В тех же говорах представлены формы повелительного наклонения *л'ек*, *л'экт'е*, для которых можно предположить более раннее изменение *а* в *е*, до редукции и утраты конечного *и* (*л'аг'и* → *л'эг'и* → *л'ек*).

На основании соотношения территорий распространения форм род. и вин. падежей единственного числа местоимения 3-го лица женского рода можно предположить, что форма род. падежа *йей* (*у йей* и под.) является, видимо, поздним новообразованием, поскольку к моменту развития категории одушевленности этой формы еще не существовало.

Сопоставительное изучение языковых черт друг с другом в ряде случаев позволяет сделать вывод о различном характере распространения явлений в прошлом и в современных говорах. Так, например, данные современных говоров о распространении форм род. и вин. падежей единственного числа местоимения 3-го лица женского рода позволяют предположить широкое распространение по говорам русского языка в прошлом форм род. падежа *йейэ* и *йейо*. В современных же говорах эти формы наблюдаются лишь на узко локальных территориях, в то время как обширные ареалы распространения представлены у формы *йей*, более поздней инновации.

Важным условием при изучении вопросов истории русского языка по диалектным данным является систематический учет показаний других восточнославянских языков, особенно в тех случаях, когда речь идет о явлениях, известных одновременно русскому, белорусскому и украинскому языкам. Однако использование данных сравнительной диалектологии восточнославянских языков может быть успешно проведено лишь при условии разработки общей методики изучения материала, а также систематизации типичных случаев расположения ареалов общих для этих языков явлений.

Усиление диалектологической базы исторических исследований уже в настоящее время нередко дает возможность уточнить существующую в науке гипотезу относительно истории того или иного языкового явления, а в ряде случаев — выдвинуть новую гипотезу. По данным древней письменности, например, инфинитивы типа *н'ес'т'* и инфинитив *ит'м'йт'* могли бы рассматриваться как возникшие одновременно. На основании показаний современных говоров русского языка есть основание думать, что формы типа *н'ес'т'* развились несколько раньше, чем инфинитив *ит'м'йт'*. Об этом свидетельствует характер их распространения, отраженный на лингвистических картах: инфинитив *ит'м'йт'* на всей территории его бытования сосуществует с формой *ит'м'й* или *ит'й*, тогда как формы типа *н'ес'т'* представлены в исключительном употреблении на значительной территории.

Изучение явления переноса ударения в личных формах глаголов типа *да́рить*, *та́щить*, *ва́рить* и под. по данным лингвистической географии показало, что, в отличие от существовавшего в науке мнения⁸, основным и первоначальным очагом процесса переноса ударения в этих формах являются, по-видимому, западные говоры русского языка. Лингвогеографические данные не подтверждают и предположения о том, что очагом возникновения форм с заменой корневого гласного являлись говоры с диссими-

⁸ См.: С. П. Обнорский, Очерки по морфологии русского глагола, М., 1953, стр. 94 и сл.

лятивным яканьем. Характер распространения этих форм в современных говорах свидетельствует о том, что первоначальной территорией их распространения была восточная часть южного наречия русского языка.

В целом ряде случаев при существующих в науке разногласиях по вопросам о генезисе отдельных явлений современных диалектов данные представляют различные доводы в пользу обоснования того или иного мнения. Так, в результате исследования лингвогеографических данных можно прийти к выводу о том, что более убедительной представляется точка зрения об исконности окончания *т'* в 3-м лице глаголов в восточнославянских языках и вторичном характере окончания *т*. Подтвердилось также, например, предположение о развитии кратких форм местоимений *т'а*, *с'а* на основе утраты интервокального *і* и последующего стяжения гласных в формах *т'ейá*, *с'ейá*, как и предположение о развитии изменения *г* → *γ* в исторический период.

Данные лингвистической географии часто выдвигают новые основания для существовавшего уже в науке представления о генезисе тех или иных языковых черт, о языковых закономерностях развития отдельных диалектов и т. д. Так, например, изучение современных говоров подтвердило то мнение, согласно которому предполагалось, что для фонетического строя древненовгородского говора было характерно менее последовательное развитие корреляции согласных по мягкости — твердости. Свидетельством этого может служить наличие в современных новгородских говорах таких черт, как отверждение губных на конце слова, отверждение *т* в 3-м лице глаголов, отверждение *т* в суффиксах инфинитивов, а также фонетическое отверждение парных мягких согласных в разных позициях.

Невозможно переоценить значения данных лингвистических атласов русского языка в тех случаях, когда данные памятников письменности отсутствуют либо по причине отсутствия памятников раннего периода с данной территории, либо из-за невозможности графически отразить явление, либо из затруднений датировки. На основании лингвогеографических данных была изучена, например, история таких явлений, как образование обобщенных форм им. падежа множественного числа местоимения 3-го лица *онѣ* — *онѣ* — *онѣ* — *ѣонѣ*, форм род. и вин. падежей единственного числа местоимения 3-го лица жен. рода *ѣейѣ* — *ѣейѣ* — *ѣей* — *ѣейѣ* — *ѣейѣ* и т. д., история процесса обобщения основы личных форм у глаголов с основой на заднеязычный согласный и т. д. и т. п.

В настоящее время ведется работа по составлению сводного диалектологического атласа русского языка. Материалы этого атласа откроют новые возможности для дальнейшего изучения истории различных диалектных объединений русского языка. Несомненно, что в процессе работы над сводным атласом методика изучения диалектных явлений должна развиваться и совершенствоваться.